

ГЛАВА 2

Варна

Никак простой люд не поймет, что зло и зимой не дремлет. Всем кажется, что нечисть вместе со зверями в спячку впадает и дрыхнет до весны, но уверенность эта обманчива и совершенно безосновательна. Конечно, сложно представить ведьму, завернутую в тулуп, еще сложнее поверить в то, что она в валенках по снегу бродит и на помело садится, но это не повод забывать о Студенце и его дрянном нраве. Перевертыши зиму любят, как и все твари, способные в животных обращаться, потому что зимой охотиться проще, можно к стае прибиться, никто не станет беспокоиться, если зазевавшегося охотника волки сожрут, — кто там проверять пойдет, не было ли среди зверья кого похуже? Но чем ближе Коляда, тем опаснее становится в забытых богом деревнях.

Варна ткнула Ивана в спину, чтобы поторапливался, — она замерзла, спина заледенела, сапоги мокрые, плащ висит на плечах неподъемным грузом, к полам прилипло столько снега, что можно слепить снежную бабу.

Дарий подставил лицо белым хлопьям и радовался как ребенок. Конечно, ему-то мороз не страшен.

— Болит еще?

Иван бросил на них трусоватый взгляд из-за плеча и покачал головой. Дарий напихал ему в рот целую пригоршню снега, чтобы язык не распух еще больше, и теперь мужик выглядел до крайности обиженным.

— Не дуйся, я ж не со зла.

— Не говори со мной, заложный. — Иван шустрее заработал ногами, прокладывая ими дорогу к деревне.

— Какой нежный, — фыркнул Дарий.

— Что тут странного происходит? — Варна завернулась в плащ, но теплее не стало.

— Да ничего не происходит. Живем себе, в ус не дуем, детей растим. Теперь на тот свет отправимся, верно, овец-то нет, есть нечего.

— Там не так страшно, как говорят, — попытался приободрить мужика Дарий.

Иван любезности не оценил, запыхтел, как загнанный конь, изо рта пар повалил и повис над ним непрозрачным облаком. Какой-то ранимый мужичонка попался, совсем шуток не понимает.

Деревня как деревня — улица, вдоль протоптанной дороги заборы стоят, за ними прячутся избы. Победнее, побогаче, но в целом — почти одинаковые. Правильно старики говорят: «Если видел одну деревню, считай, все повидал».

К каждой избе дорожка из еловых ветвей выложена. Ель — Дерево Мироздания, местные хорошо подготовились к приходу Коляды. Пахучие ветви защитят дома от злых духов и прочей нечисти, волнами прущей из Черной Пади.

Варна прищурилась и разглядела в конце дороги покосившееся деревянное здание — крест блестел в предрассветных солнечных лучах, отбрасывал золотистые блики на дорогу. Значит, Слово даже сюда принесли, Светозарные времени зря не теряли.

— В нового Бога верите? — будто бы невзначай спросила она.

— А вы? — Иван плюнул на землю и остановился. — Верите, что где-то сидит старец, который ответы на все вопросы знает?

Для них существование «старца» было неоспоримой истиной. Как ведьмы черпают силу из крови и земли, заключая сделку со Зверем, так Светозарные присягают на верность Господу, получают Его благословение и возможность использовать особую силу против нечистых тварей. Разница заключалась в том, что Зверя Варна видела, а вот Бога — нет. Вряд ли на этой земле существовал человек, который узрел Его, так что неудивительно, что деревенские оставались язычниками.

— В дом вас не впущу. — Иван загородил собой калитку. — Хоть убейте, но не впущу.

— Тогда и со страстями Коляды сам разбирайся. — Варна надеялась получить хотя бы миску горячей ухи.

— Если вам приют нужен — вон, идите в часовенку, там все равно нет никого.

— Скотина ты неблагодарная, Ваня. — Дарий прижал мужика к забору. — Мы сквозь метель к вам пробирались, скакали без отдыха, лошади пеной изошли, а ты нам даже кров предложить не хочешь?

— Оставь его. — Варна стряхнула снег с плеча и окинула мужика тяжелым взглядом. — Когда на дом твой ляжет тень, когда ребенка подменят твари лесные, будешь в ногах у нас ползать, да только охотники Мрачного Взвода славятся хорошей памятью и дрянным нравом.

— Чур меня. — Иван оттолкнул Дария и юркнул во двор. — Чур! Делать нечего, пришлось идти в церковь.

После ночного снегопада дорогу запорошило, идти было тяжело, зато удалось согреться. В церкви наверняка есть диакон или священник, отказать в помощи он права не имеет — оказывать посильную поддержку Взводу и Светозарным его обязанность.

— Сверкаешь, как начищенный медяк.

— Люблю зиму. — Дарий зачерпнул снег в ладонь.

— Не припомню, чтобы ты на Коляду веселился.

— Да и не в веселье дело. Сохну я в холоде куда медленнее. Помнишь, когда в последний раз ритуал проводили?

— Осенью.

«Через несколько дней после того, как ушел Свят».

— Вот, а скоро...

— Коляда и все ведьмы, что есть на земле, возликуют, проводя свои ритуалы.

— Какая ты мрачная. Веселее, праздники на носу, колядки, песни и...

Снежок угодил в плечо. Не ожидавшая такого вероломства, Варна пошатнулась и чуть не упала. Можно было прикрикнуть на него, а можно дать отпор, словно они вновь стали детьми... Вот только она отравлена Зверем, а он мертв.

Варна зачерпнула снега и кинула Дарию в лицо. Воспользовавшись замешательством друга, откатилась в сторону, слепила снежок и швырнула его следом. Снежок разбился о голову Дария, капюшон слетел, темные волосы разметались по плечам. Дарий припал к земле и юркнул за колодец.

— Сдавайся! — Варна спряталась за брошенной повозкой и налепила десяток новых снежков. Руки покраснели от холода.

— Ни за что! Я почти бессмертен, и у меня бесконечный запас снега!

Сражение не прошло без последствий — попавшееся на пути ведро разлетелось в щепки, пробежавший мимо пес получил снежком в бок, Дарий был ранен в плечо, грудь и голову.

Решив, что он сдался, Варна вернулась в укрытие и принялась готовить партию снежков, чтобы разгромить его окончательно. Но вдруг повозка натужно заскрипела. Варна вскинула голову и увидела над собой перепуганного упыря. Колеса прокрутились, он потерял равновесие и рухнул на подругу, погребя под собой труды последних минут.

Взметнувшийся снег запорошил лицо, попал в глаза и нос, Варна попыталась выползти из-под Дария, но он, хохоча, сжал ее в мертвой хватке. Его смех эхом отразился от домов, пронесся по дороге и вернулся к ним — громкий, свободный. Варна давно не слышала его.

— Я победил.

То ли от захлестнувших эмоций, то ли еще по какой-то неведомой причине Дарий клюнул ее в щеку холодными шершавыми губами. Она успела поймать его за воротник и прижать к себе, прежде чем он попытался отпрянуть.

— Мой нож упирается в твой живот, — прошептала Варна и уколола его острием для убедительности. — Ты мертв.

— Ну, я так не играю. — Дарий скатился с нее и уставился в посветлевшее небо. — У тебя всегда есть какой-нибудь фокус в запасе.

— Эти фокусы спасают наши жизни. — Она смахнула волосы с лица. — Признаёшь поражение?

— Но делаю это без удовольствия.

— Сойдет.

На пороге ближайшей избы Варна заметила розовощекого ребенка. Девчонка таращилась на них — и, наверное, довольно давно. Хорош Мрачный Взвод — вместо того чтобы искать зверя, который выпотрошил несколько десятков овец, охотники валяют дурака и друг друга.

Дарий показал девчонке черный язык, и та убежала в избу.

— Опозорились. — Варна встала и попыталась отряхнуть плащ от снега.

— Будто нам впервой. Зато сердцу весело. Что загадаешь на Коляду? Будем гадать?

— Ты слуга Господа, Дарий, гадания против правил.

— А мы никому не скажем. — Он подмигнул ей.

Его приподнятое настроение никак не вязалось с заданием, на которое их отправили.

Несколько недель округу изводила странная тварь. Казалось бы, смерть скота подозрений вызывать не должна, но когда гибнут целые стада, да еще и неподалеку друг от друга, это наводит на определенные вопросы. Волкам столько мяса не нужно, а две стаи на такой территории не ужились бы. Овец, которых охотники нашли в поле, просто загрызли, ничего странного в их гибели нет, так что, возможно, зов и правда

ложный. Будет обидно, ведь во время Коляды можно поохотиться на кого-нибудь по-настоящему жуткого, а они тратят время в этой глуши, гоняясь за мороком.

В часовенке горел Живой Огонь — от жаровни поднимался дым, на полу лежал густой ковер из еловых лап. Внутри было тесно, но заброшенным это место не выглядело. Образа, канун — все натерто до блеска, каждый подсвечник, каждая икона сияла, отражая пламя свечей.

— От кого защищаешься елью? — Варна усмехнулась и поддела ветку носком ботинка.

— Сами знаете, что-то происходит тут, но никак не пойму, что именно. — Улыбчивый мужик средних лет поправил подрясник и подошел к ним. — Отец Ефим.

— Мрачный Взвод. — Дарий сел на лавку и вытянул ноги. — Нам бы поесть.

Священник прищурился, перекрестился, попытался даже пальцы к его лбу приложить, но Дарий успел перехватить руку и сказал:

— Обойдемся без попыток отправить меня в Навь.

— Я наслышан о тебе и хотел выразить свои соболезнования. — Ефим мягко разжал его пальцы и высвободил запястье. — Вижу, вам отдых нужен, но здесь нет ничего, ни еды, ни воды. Пойдемте ко мне домой, я вас угощу. — Ефим выглянул на улицу. — Темнеет, скоро ряженные ходить начнут.

— Будто без их тряпья да образин чертей на свете мало. — Варна кивнула. — Пойдем, раз зовешь. Убью за тарелку ухи.

— Надеюсь, убивать никого не придется. — Священник рассмеялся и пригладил волосы, еще не тронутые сединой.

Они вышли на улицу, оставив Ефима закрывать церковь. Дарий пристально наблюдал за ним, а потом спросил:

— Откуда он обо мне знает?

— Вещие вороны, охотники, мало ли кто мог рассказать ему байку про ручного упыря? — Варна пожала плечами. — Ты не о том думаешь, нам бы понять, откуда начать поиски твари, которая...

— Иван говорить с нами отказывается, а больше спрашивать некого, — перебил ее Дарий. — Не нравится мне этот священник, нутром чую, что-то с ним не так.

— Не там ты подвох ищешь. Совсем хватку потерял.

— Кто потерял, я?! — возмутился он. — Вот увидишь, найдем у него дома кости сваренных детей и...

— Я таким не промышляю. — Отец Ефим усмехнулся. — Но с удовольствием послушаю страшные истории о вашей охоте.

— Подслушиваешь? — Дарий прищурился.

— Побойся Бога.

Мягкая улыбка мужчины только сильнее злила упыря — Варна чувствовала, как все нутро Дария дрожит от возмущения. Странная реакция, обычно он уважительно относился к священникам — сам когда-то хотел стать одним из них. Быть может, Дарий переосмыслил свои взгляды.

Дом Ефима оказался обыкновенной избой, чуть беднее на вид, чем дома соседей. На калитке было что-то нацарапано, но надпись затерли. Хозяин виновато улыбнулся, когда заметил вопросительный взгляд Варны.

— Местные не очень рады тому, что в деревню пришло Слово.

— Что там было написано? — Она провела ладонью по шероховатому дереву.

— Изыди. — Ефим прошел во двор. — Они часто оставляют такие послания, то здесь, то на дверях церкви. Я не злюсь на них, люди темные, им нужно время, чтобы уверовать.

— Значит, насильно заставлять их верить ты не собираешься?

— Помилуйте, как можно? Вера либо есть, либо нет.

— Расскажи это солдатам, которые убивали тех, кто...

— Все мы не без греха, — перебил Дария священник. — Я несу крест своих ошибок, но за чужие отвечать не стану.

Варна хмыкнула. Ефим держался достойно и умело поставил Дария на место. Последний, конечно, ужасно злился, но ему иногда полезно было получить по носу.

— Чем богаты, как говорится.

Ефим впустил их в дом, расшевелил начавший было угасать огонь в печке и закрыл заслонку.

— Сейчас, там душенина в чугушке, пусть согрется, толку нет от остывшей. Может, сбору травяного? Сам сушил, подбирал так, чтобы приятно пить было. Добавил мяты, — заговорщицким тоном сообщил Ефим.

— Ну, давай сбору, — согласилась Варна.

Пока хозяин возился с самоваром, она решила согреть окоченевшие ноги. Сняла сапоги, закинула их на печку, придвинула к ней лавку и протянула к теплым камням посиневшие от холода ступни. Дарий показательно отсел к окну, всем видом давая понять, насколько недоволен происходящим.

— Тебе и тепла не надо? — спросил Ефим.

— Ему от него только хуже, — ответила Варна.

— Неужто?

— Знаешь, что с мясом происходит, если его в тепле оставить? — Дарий склонил голову к плечу, прожигая священника взглядом. — Так вот — я мясо.

— Дарий! — шикнула на него Варна.

— А что? Хотел ведь страшных историй, разве эта не самая жуткая? Нравится, отец?

— Ты юн и горяч, твои колкости меня не ранят. — Ефим выглядел скорее разочарованным, чем злым.

Дарий вскочил и вышел из дома, хлопнув дверью. Варна громко выдохнула, встала, налила себе травяного сбора и села на край стола.

— Вкусно пахнет.

— Сколько ему? Семнадцать? — Ефим открыл заслонку и взял в руки рогач.

— Через пару лет тридцать.

— Да что ты? А когда...

— Ему было чуть больше восемнадцати лет, ты прав.

— И он не стареет с тех пор?

— Как видишь.

— Страшное колдовство. — Священник поставил горшок на стол. — А еда? Есть ему тоже не нужно?

— Он мертв, отец. — Варна приподняла крышку и вдохнула крепкий мясной аромат. — Дарий не дышит, не спит, не ест, ему нужна только кровь.

— Господи спаси... — Ефим сел на трехногий табурет. — Какой ужас.

— Будешь причитать — он продолжит гавкать, в конце концов даже ты не выдержишь и завяжется драка. Я разнимать вас не стану, а у него, кстати, серп под плащом.

— Невзлюбил он меня.

— Ты живешь его жизнью. Накладывай, да побольше. — Варна кивнула. — Он не любит всех, кто способен взрослеть и выбирать свою судьбу.

Ненароком вспомнился Свят и их глупые пререкания. Взрослые мужики, а вели себя как дети. Но в конце Дарий повел себя по-взрослому, а ребенком оказалась она.

Варна вздохнула и принялась работать ложкой.

О Святе никто не говорил, все считали его погибшим. Вот бы и ей жить в неведении! Да только он на ее глазах обратился в пепел и взлетел в небо, окруженный ведьмами. Дарий принял его выбор, а вот она не примет никогда.

— Что за камень у тебя на душе лежит? — Ефим налил ей еще отвара.

— Там не камень, отец. — Она вздохнула.

— Я старше тебя лет на десять всего, можешь звать меня по имени.

— За что тебя, такого молодого, сюда сослали?

— Не хотел силой людей в свою веру обращать, — спокойно ответил мужчина. — Упирался, упирался, а потом пришли Светозарные с посланием, дескать, пора, баяшка, уезжать, если жить хочешь. Я и уехал, терять мне нечего.

— Хм. — Варна пожала плечами, но ничего не сказала.

— А ты во что веришь? Я вижу письма на твоём клинке, но...

— Мрачный Взвод стоит на границе миров, веков и верований, — отчеканила она. — Если Господь откликнется на молитвы, охотник может использовать его силу, но и языческих оберегов мы не чураемся.

— Интересная у вас жизнь, опасная, но хоть со скуки не померешь.

— Зато просто помереть как нечего дел...

Дверь открыли будто пинком — в дом ворвалась женщина. Платок съехал с головы, лицо красное, заплаканное, богатый тулуп распахнут. Собиралась она явно впопыхах.

— Правду говорят, что вы охотники?!

Не дождавшись ответа, женщина упала на колени, приложила лбом об пол, схватила Варну за босые ноги и запричитала:

— Помоги, помоги безутешной матери! Ушла, пропала дочка, не могу найти ее! Сама не знаю, как так вышло, калитка заперта была, а Машка возьми да и...

— Стой, погоди. — Варна оторвала женщину от себя, отодвинулась и, не переставая жевать, спросила: — Как дочь твоя с моей работой связана? Мы поиском детей не занимаемся.

— Тут тварь рыщет, сама знаешь! Украла детку мою, украла! — Мать залилась слезами, Ефим присел рядом с ней и обнял ее за плечи. — Клянусь, не сама она ушла!

— С чего ты взяла? — Мясо в душенине было удивительно вкусное, нежное, крольчатина, наверное; отвлекаться от еды из-за чужих бед Варне не хотелось.

— Она никогда от меня не отходит, с рождения хвостом за мной, я...

— Прямо с рождения ходит? — Варна вздохнула, отложила ложку и наклонилась к женщине. — Ладно, что за девчонка у тебя? Во что одета была?

— Мелкая такая, светленькая, глазки голубые, ей шесть лет недавно исполнилось, совсем крошечная. А одета, ох, сейчас... — Мать крепко задумалась. — Шубку отец привез из Ясностана, красная такая, яркая-яркая, уж не знаю, чем они мех покрасили, но...

— Ясно, — перебила ее Варна. — Куда пойти могла? Сегодня Коляда, может, к друзьям убежала?

— Нет, Машка не могла, мала еще, никуда одна не ходит, да и друзей нет у нее. — Женщина замотала головой. — Помоги найти, а? Люди мы зажиточные, муж мой дегтекур*, да какой! Постоянно в столицу катается, учит тамошних неумех деготь гнать да кожу выделявать с его помощью. Отплатим! Монет насыпем, сколько скажешь!

— Погоди с монетами. — Варна задумалась. — В округе действительно что-то бродит, но пока мы не узнали, что именно.

— Так узнайте! Пойдем в наш дом, напою, накормлю, перины мягкие, подушки пуховые! Только найди Машку мою!

— Я с вами пойду. — Ефим встал.

— Он что, не блаженный? — удивилась женщина.

— Кто тебе сказал такое? — в свою очередь удивился священник.

— Так все говорят.

— Мы ребенка искать будем или выяснять, хворый ты душою или нет? — Варна встала. — Раз решил — одевайся. По пути Дария захватим.

— Мы ведь не знаем, куда он ушел. Он может быть далеко. — Священник торопливо надевал тулуп.

— Не может. — Варна с сожалением сняла с печи не успевшие высохнуть сапоги. — Никуда ему от меня не деться.

Про зажиточность Светлана не соврала — изба у нее и правда была добротная, коньки резные, наличники на окнах напоминали кружево. Явно не местные дом строили, у этих бы и снежок круглым не вышел. Нет, хозяин, скорее всего, привозил плотников и зодчего из Ясностана. Забор белый, ровный, к крыльцу тропинка протоптана, а на ступенях сидел мужик, красивый, зараза, молодой, широкоплечий — богатырь, не иначе.

* Дегтекур — человек, гонящий деготь из бересты. *Здесь и далее примечания автора.*

**Почитать описание и заказать
в МИФе**

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Проза:

